

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК

СТАНЦИЯ НА ГОРИЗОНТЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

I

Кай вдруг поймал себя на мысли, что уже целый год живет дома, в краю, где прошла его юность, и среди людей, с которыми вместе рос. Всякий раз, когда он возвращался сюда, он находил их такими же, какими оставил, — графиню Гест с ее пристрастием к лимонному печенью и романтической музыке, седовласого господина фон Круа, брата и сестру Хольгерсен. Только юная Барбара теперь уже не ребенок, как тогда.

Все по-старому сидели на террасе перед господским домом. Двери в музыкальную гостиную были открыты — считалось, что музыка вкупе с осенними впечатлениями настраивает на особый лад. Парк с увядающей листвой служил для этого хорошим фоном. Тем теплее будет потом атмосфера за ужином, — умеренные разглагольствования на тему бренности улучшают аппетит.

Жизнь здесь шла спокойная и оседлая, в близости к земле, подвластная временам года и основанная на злободневных календарных событиях, — важнее было думать о севе и урожае, нежели о сердце. Один жил, как другой, большой разницы не было, здесь знали друг друга слишком давно, чтобы кто-то мог еще чем-нибудь удивить, а поэтому предпочитали встречаться на нейтральной почве разумных практических дел. Никто не роптал, что через небольшие промежутки времени жизнь бесконечно повторяется, и никто не догадывался, насколько разлагает постоянное близкое соседство, порождая вместо живого интереса болтливую скуку.

Ветер подолгу копошился и шумел в верхушках платанов и порой заглушал музыку. За деревьями полыхали запоздалые зарницы.

Кая охватило беспокойство, он внезапно почувствовал, что пока он сидит здесь, наполовину безучастный, минуты и секунды его жизни безвозвратно утекают; где-то меж тем беззвучно катит поток Времени, загадочный и пугающий в своем неудержимом призрачном скольжении, безостановочный, как неумолимо текущая из раны кровь.

Он больше не мог это вынести — под каким-то благовидным предлогом попрощался

и пошел к конюшням, чтобы вывести свою лошадь и поскакать через пустошь к себе домой.

* * *

В теплом полумраке, где запах соломы смешивался с дыханием животных, между лошадьми лежала его собака — серо-голубой дог по кличке Фруте. Услышав его шаги, она вскочила и с громким лаем решительно бросилась навстречу.

Во дворе лай перешел в радостное повизгивание. Кай насторожился.

В проеме двери стояла юная Барбара.

— Мне тоже хочется, Кай, проехаться с вами, — воскликнула она, — уж очень вечер подходящий. За пустошью все еще нависает гроза.

Она прислонилась к деннику и смотрела на него. В темноте конюшни лицо ее оставалось затененным, едва обрисовывались рот и лоб — нечто расплывчато-бледное и темное, удивительно манящее. Слабый свет из окон отражался в ее глазах.

Кай видел: что-то тянет ее отсюда, но она и сама еще об этом не догадывается. Она последовала за ним, думая, будто хочет просто покататься верхом, однако здесь было замешано нечто большее.

В тесноте, между телами животных, между гладкой шкурой лошади и светлой шерстью прижавшейся к нему собаки, среди стука переступающих копыт, тихого сопенья и звяканья цепей, он взял ее за руки и проникновенно сказал:

— Барбара, каждый раз, когда я уезжал и возвращался, я замечал, как вы подросли, и было так прекрасно увидеть вас снова. Поверьте, вы не должны никуда отсюда уезжать, ваше место здесь, в этом господском доме с его платанами и липами, с лошадьми и собаками. Человек должен либо вообще не уезжать, либо вообще не возвращаться, ведь по возвращении никогда не находишь того, что оставил, и попадаешь в разлад с собой. Вы, Барбара, должны оставаться здесь, среди этой тишины, чтобы жить самодостаточной жизнью и исполнять ее нехитрые требования.

Ее руки, которые он держал в своих, дрогнули. Она ничего не ответила. Молчание между ними росло, сгущаясь в ожидание.

Кай разбил его, не дав превратиться в нечто значительное:

— Давайте, Барбара, оседлаем вашу кобылу...

Они ехали рядом. За парком начинались луга и пашни, между ними приютилась деревня, дальше шла пустошь с березами, за-

росями можжевельника и руническими камнями. Горизонт был затянут тучами. Их темную завесу прорезали извилистые жилы зарниц. Лошади вскинули головы. Ветер, затаившийся возле леса, внезапно ворвался в тихий вечер.

— Но вы ведь опять хотите уехать, Кай?

— Не знаю, возможно. — Кай быстро пригнулся в седле и снова выпрямился. — Возможно, Барбара.

Они поскакали быстрее. Дорога вела вверх, на возвышенность. Оттуда открывался вид вдаль. Кай и Барбара придержали лошадей. Холм был окружен тенью, они крались среди кустов и камней. А за ними, темная и бугристая, растекалась пустошь.

Зарницы стали ярче. В их обманчивом свете всякий раз, как видение, выхваченное из тьмы, представала на горизонте деревня. В ярких вспышках отчетливо виднелись ряды крыш и невысокая светлая башня, которая то загоралась, то гасла, словно все проваливалось в пропасть. Эта картина, мелькнувшая за какую-то секунду, походила на далекий мираж, на странную галлюцинацию, — ведь смену света и тьмы не сопровождал рокот грома.

Полотно железной дороги прямой линией перерезало ландшафт. Его рельсы бежали по шпалам, как заманчивое, пленительное обе-

щание, становились матово-серебристыми и где-то совсем далеко сливались в одну фосфоресцирующую точку.

«Они убегают в бесконечность», — подумал Кай. Спина лошади под ним равномерно поднималась и опускалась, долгий и дальний, тянулся куда-то рельсовый путь. Кай крикнул Барбаре:

— Придержим лошадей, сейчас должен пройти поезд...

По земле прошла дрожь, в глубине ее нарастал гул. Провода на железнодорожной насыпи вдруг зазвенели металлом и запели высоким голосом, состязаясь с грохотом, что становился все сильнее; по равнине, взблескивая, побежала цепочка сигнальных фонарей, словно нить из застывших капель молнии; бесшумно поднялось сигнальное крыло семафорной мачты. Над рельсами вспыхнули огни локомотива и погнали перед собой широкое пятно бледного света: мимо зрителей пронесся экспресс — череда длинных, ярко освещенных вагонов, в окнах виднеются люди, вот кто-то прижался к стеклу — мужчина, женщина? Поезд промчался мимо, над пустошью уже пестро замелькали его задние огни, и гул рельсов стал затихать.

Кай спокойно сидел в седле, натянув поводья. Словно комета, пролетел сквозь ланд-

шафт светящийся остров, неведомо откуда взявшийся и неведомо где скрывшийся, и в нем были люди, которые за несколько часов до того случайно сошлись вместе, а несколькими часами позже поспешат разойтись, — фракт человеческих судеб, летевший сквозь тьму в освещенных купе, а за ними вихрем катился клубок тайн, обращаясь в фантастический соблазн — над краями равнины, из туч и теней, из ночи и земли, казалось, звучат голоса, сбивчивые и сбивающие с толку, море, прибой, что накатывал волнами и звал...

Первый удар грома раскатился над пустошью. Кай распрямылся. Он улыбнулся Барбаре и взялся за повод ее лошади.

— Барбара, вы были правы, я хочу уехать, прямо сейчас. Будьте здоровы, я благодарен вам за прекраснейшее мгновенье...

Он отпустил поводья и хотел ускакать. Только лицо девушки еще удерживало его, что-то еще надо было сказать, что-то определенное и важное, но оно не укладывалось в слова, не могло себя выразить неуверенно ступающими понятиями, проскальзывало между ними и тонуло в водовороте образов. Торопливо, почти жадно ухватился он за первое, что подвернулось, и крикнул:

— Я приеду опять...

Но и это было невпопад, однако время поджимало, оно ожило, словно каждая упущенная минута была целой жизнью, лошадь повернула и била копытом, заразившись нетерпением всадника...

Тут юная Барбара подняла голову и сделала какое-то движение — Кай понял. Он снова повернул шею лошади, ему хотелось большего: подъехать к девушке поближе, он знал — она будет тихо лежать у него на груди, но знал также, что слово «нет» пока еще сильнее, затаенные чувства лежали глубоко, в эту кровь нельзя было заронить тревогу, и он обуздал себя за секунду перед тем, как едва не вскипела волна, властно повернул лошадь, помахал Барбаре рукой и, не ответив на ее взгляд, галопом пустился вниз по склону, к своему дому. Впереди него серебристой лисой сквозь траву летела собака.

Кай въехал во двор, отвел лошадь в стойло, принялся сам ее вытирать, но скоро перестал, отдал конюху щетки и попону и поднялся к себе в комнаты.

Там стояли огромные кофры, подавляющие и властные; окованные металлом, со сбитыми углами; они были потертые и поцарапаны со всех сторон, зато пестро облеплены ярлыками и наклейками отелей, каждый ярлык — станция, черед дней, взблеснувших, как чайки,

воспоминание... На ребре одного кофра, переходя с одной стороны на другую, характерный ярлык отеля «Мена Хаус» — пальмы, пустыня, пирамиды, шиферно-серый Нил, военный оркестр, играющий перед столовой для пастухов, площадки для гольфа хелуанского гранд-отеля, заходы солнца за Асуаном; отель «Водопад» — поездка на медлительной арбе прямо в небо нефритового цвета; а вон там наклейка отеля «Галле Фейс» в Коломбо, где прибор добрызгивал почти до окон и где в зале мавританского стиля, наполненном жужжаньем вентиляторов, безмолвно стояли за колоннами два десятка боев-индейцев во всем белом, дожидаясь приказа одинокого гостя принести ему содовой и зеленых сигар; гранд-отель «Гардоне» с его пошло-открыточным видом на озеро Гарда — поездка на моторной лодке сквозь бурлящую пену и солнечный свет, Мод и вечера в Сан-Виджилио; коричневая багажная квитанция железной дороги в Андах — лазанье по скалам и карабканье через пропасти в Кордильерах, на одной из станций — индейский ребенок, еще трогательно беспомощный в движениях, смотревший из слишком просторного пончо потрясающими глазами столетнего старца; таможенные штампы Буэнос-Айреса, Рио — ночи под тропической луной, овейные пассатом,

американка и негр из пароходного оркестра; отели «Медан», «Палас», «Гранд-Ориент», «Приют чужеземца» — яванское высокогорье, бронзовые девушки и ночь напролет гулкий перезвон тысяч гамеланов¹... Каждая наклейка была прошлым, каждая становилась теперь будущим, призывом вновь окунуться в жизнь. Эти громоздкие кофры, дерево, латунь и кожа, большие, угловатые и неуклюжие, — ночью в усадьбе посреди пустоши они были радиопередатчиками внешнего мира, антеннами бытия, а их пестрые поблекшие наклейки источали мелодию чужбины.

Кай достал легкий дорожный чемодан, открыл замки, навстречу ему лениво зевнули пустые отделения, вскоре до отвала наевшиеся бельем, костюмами и другими вещами.

Он сразу же все упаковал и тотчас отнес чемоданы в гараж. Потом вернулся и переделался для путешествия.

Он прекрасно понимал — то, что он делает, нелепо, куда лучше было бы спокойно уладить все дела и уехать хотя бы на час или на день позже; но он не хотел рассуждениями и разумными доводами подавлять в себе это перепол-

---

¹ Гамелан — индонезийский национальный оркестр, состоящий из гонгов, барабанов, ксилофонов, металлофонов, отдельных духовых и смычковых инструментов. — *Примеч. пер.*

нявшее его вольное и пьянящее чувство, бездумно ему поддался и еще усугубил, бросив в этот вихрь всего себя — свои движения, свои слова, свои мысли.

Присев за стол, чтобы наскоро перекусить, он отдал кое-какие распоряжения своему управляющему, подписал несколько бумаг и опять направился в гараж, надел пыленепроницаемый автомобильный комбинезон, свистнул собаку, которая вмиг оказалась рядом, нажал на стартер и тихим ходом пустил машину по двору. Вой мотора постепенно перешел в рев, протяжно и дико загудел над полями клаксон, фары нащупали дорогу, и автомобиль повернул на юг.

В первый день, ближе к вечеру, Кай встретил цыган. Морщинистая старуха, отставшая от табора, чтобы побираться по деревням, чуть было не угодила к нему под колеса. Плюясь от испуга, она прокляла эти колеса и погрозила им своими костлявыми кулаками. Но как только заметила на заднем сиденье собаку, отпрянула от машины и хотела убежать.

Кай окликнул ее. Она нехотя подошла. Он предложил ей сесть в машину, он ответит ей, куда ей надо. Старуха начала разговаривать с собакой, потом кивнула головой и села.

Кай высадил ее возле цыганских повозок и хотел ехать дальше. Но его остановил какой-то приземистый человек, похожий на хитрого смуглолицего крестьянина. Выразительной жестикуляцией он попросил Кая на часок задержаться, они вскоре станут табором здесь, поблизости. Кай должен принять приглашение, иначе нельзя, коли он не хочет обидеть старуху.

Кай согласился. Повозки свернули на лесную дорогу и выехали на поляну, окруженную деревьями и надежно ими укрытую. Здесь повозки составили в ряд, разожгли костер и повесили над огнем большой медный котел.

Старуха присела перед ним на корточки и принялась половником помешивать его содержимое, бросая туда травы и кусочки мяса.

Суп оказался необычным на вкус и очень острым, как будто в него подмешали спирт. Кай спросил, так ли это, но старуха улыбнулась: «Нет, только травы...»

Она взяла его левую руку и хотела по ладони предсказать ему судьбу. Торопливо и заученно что-то забормотала, потом вгляделась более пристально и умолкла. Кай не стал спрашивать, в чем дело, только достал сигареты и начал всех угощать. Девушки жадно на них набросились, запускали пальцы в коробку и копались, набирая по-

больше; у одной на руке блеснул агат. Это была изящная рука, с тонкой кистью и длинными пальцами.

Кай искал лицо девушки. Она выдержала его взгляд, но медленно краснела и становилась смуглее и нежнее по мере того, как кровь прилиwała к ее оливковым щекам.

Он что-то ей сказал, девушка покачала головой — она не поняла. Так они и смотрели друг на друга, отгороженные от языковых будней чем-то новым, особенным, что нельзя изъяснить и исчерпать словами.

Кай увидел, что старуха это заметила и собирается что-то сказать. Он быстро пресек ее попытку, адресовав ей какую-то пустую фразу, какой-то вопрос о ее личных обстоятельствах. Она вмиг с профессиональной чуткостью подхватила разговор и пустилась жаловаться на жизнь, но вдруг остановилась, прищурив глаза, искоса взглянула на Кая и рассмеялась. Потом стала выискивать в котле кусочки мяса для Фруте. Кай поехал дальше.

В Мюнхене он обзавелся «зелеными картами» и визами.

В Кохеле шел дождь. Когда он подъехал к озеру Вальхензе, в ветровое стекло беспорядочно тыркались пушистые снежные хлопья. Двумя километрами дальше лежал снег. На подъезде к Цирльбергу дорога под снегом об-

леденела. Колеса вертелись вхолостую. Цепей противоскольжения Кай с собой не взял.

Он снял ремни с чемоданов и обернул ими покрывки. Через несколько сот метров ремни перетерлись. Он их связал, оплел проволокой и еловыми прутьями и опять попробовал ехать. На последнем крутом подъеме машина заскользила назад и ее с большим трудом удалось удержать. Кай был вынужден поехать обратно и купить цепи.

Хоть он и понимал, что это единственная возможность двигаться дальше, его, вопреки всякой логике, угнетала необходимость повернуть назад. Охотнее всего он рискнул бы еще раз попытаться взять этот подъем...

С цепями противоскольжения машина единым духом взлетела на гору. Небо очистилось. Синее-пресинее раскинулось оно над горами. До сих пор Кай, в сущности, катил куда глаза глядят; теперь он решил, что поедет на Ривьеру.

Назавтра к середине дня он оставил Альпы позади и помчал сквозь белую пыль итальянских дорог. То справа, то слева от него, то над ним, то глубоко внизу тянулась скоростная электрическая железная дорога. Серпантин широкими петлями спускался к Понтедечимо. К вечеру он был в Генуе. И сразу отправился дальше, в Монте-Карло.